

Имя поэта Юрия Костарева давно известно в Магнитке. После окончания ГПТУ № 13 он работал подручным сталевара в мартеновском цехе, затем был приглашен в редакцию газеты «Магнитогорский металл», где прошел путь от литературного сотрудника до ответственного секретаря. Несколько лет руководил литературным объединением комбината «Магнит». После службы в армии заочно окончил Литературный институт имени А. М. Горького при Союзе писателей СССР.

Во времена экспансии магнитогорских журналистов в Среднюю Азию работал в республиканской газете в Бухаре. Стихи его публиковались в газетах, журналах, альманахах и коллективных сборниках. Недавно в Москве вышел отдельный поэтический сборник «Языческая ночь», тепло встреченный в литературных кругах.

Юрий Костарев — поэт глубоко лиричный. В лучших стихотворениях, ставших фактом настоящей русской поэзии, он достигает шемейной высоты любви к родному краю, к отеческим и материнским корням своей малой родины, во все времена несущей на себе тяжкую ношу нашего века. Послевоенное детство, отрочество, юность и молодость органично и поэтично вплетаются в судьбу его поколения, которое почему-то все считают потерянным. Всем своим литературным трудом он доказывает, что подобного белого пятна быть не может. В последние годы поэтом создано много ярких произведений, которые, верится, выльются в его новые книги.

А. ПАВЛОВ,
член Союза писателей России.

На снимке: поэты Юрий Костарев и Александр Павлов. 1976 год.

Фото Н. НЕСТЕРЕНКО.

Юрий КОСТАРЕВ, член Союза писателей России

НА ЭТИХ МЕДВЯНЫХ ЛУГАХ

... И шепот звезд

Себе сопротивляться не хочу:
Когда молчит мне, то я молчу,
А если уж совсем немому мне,
Я азбуку терпения учу,
Послушный жизни и прилежный умник —
До той поры, пока из букв немых
Не встанет слово и не даст под дых.

Себе противоречить не могу:
Мне город мал, мне вольно на лугу,
На берегу: чтоб и трава, и волны,
И шепот звезд — и никому не лгу,
Не восхваляю чуждые законы,
Повелевающие жить толпой —
А вовеки не единственно тобой.

Но без тебя — зачем на берегу?
Но одному — кому шептать в стог
Слова, которые лишь я и знаю,
И только для тебя и берегу?
И делит жизнь мою черта сквозная:
Там я свободен от тебя — но здесь
Хотя бы тень надежды все же есть.

И к черту все слова и рассужденья! —
Вдруг ты сама идешь вослед за тенью.

По-честному и просто

Непосильно, Господи, такое
Испытанье для моей души...
Был я примирен и успокоен
В предзакатной сумрачной тиши.

Да ведь это непосильно, Отче:
У черты уже, за пятьдесят,
Не в глаза ее глядеться — в очи,
И бояться: вдруг ответит взгляд.

Ладно бы внимательный и добрый
(Так добра к больному медсестра),
Пусть бы цепенила взглядом кобры, —
Я такой-то одолел бы страх.

Но когда по-честному и просто,
Но когда отброшена игра...
Боже, из меня не делай монстра, —
Мне о Вечном думать бы пора.

... Вот, Создатель, я и снес такое
Испытанье души моей.
Я достойный. Чистый. Я в покое...
Сатана, да хоть стакан налей!

Взлетает птица...

Ну пусть юнцы, тебя моложе втрое,
Еще не зная сердца своего,
Токут, точно глухари весной,
Распознавая жизни естество.

Но сердцу твоему — вдруг безответно
Взлететь! И смехом грома усмирять,
И ливню подставлять лицо, и ветру —
Дождем лицо свое свое драпировать?

В Ней раствориться, сгинуть,
позабиться:
Небытие — превыше всех наград!..
Предвестницей любви взлетает птица —
И падает в уснувший черный сад.

Плывет юность, отвергая осень,
А ты, оступ, сам про себя оступишь:
«Когда пробило дважды
двадцать восемь,
Добро, что хоть мечтою воспарил».

Ум понимает невозможность счастья,
А сердце то замкнет, то воспоеет —
А сердце глупой птицей в ребра бьет
И, падая, не может ввысь не рваться,
В счастливый погубительный полет.

Ночь нежна

Человеку нужнее всего
Ранним утром, в момент пробужденья,
Находиться уже в убеждении,
Что не сбудется день без него.

И вольно же в течение дня
Жить ему в суете полоненно,
А под вечер вздохнуть удивленно:
— Как бы жизнь обошлась без меня?

... Ты спокойно заснешь без меня —
И не я пробужу тебя утром,
Да и днем —
Трезвомысленным, мудрым —
Даже днем не понадоблюсь я.

Человеку отрадней всего
Знать, что есть неотступное Завтра,
Что Судьба — неожиданной автор:
И за крахом грядет торжество.

Ночь горька и утешно нежна.
А каким-то случится рассвету?
Что-то вкось, не в струю все приметы.
Ночь молчит, терпеливо нежна...
Человеку надежда нужна.

Читал стихи учителя...

Внезапно так, врасплох, нежданно, как
Чужая женщина, влетевшая без стука
К вам в комнату, где полный кавардак, —
Я говорю, что ведьмою из ступы;
Нет, Боже, — словно ангел с высоты,
О ком знал, но в кого не верил,
Минуя дни, лета, таможи, двери,
Передо мною встала, юность, ты —
Которой нет, которая прошла,
И невозвратна, по определенью...
Что это — дежавю? Угар? Давленье?
Разрыв мгновенный временного шва?

Но молнии зеленые сияли
Над золотом веснушек.
И бледная,
Испугана самой собой, она
Ко мне плыла в отъединенном зале.

А слушатели прочие в тот миг
Сквозь нас прошли, в иное взмыли время,
Подтекст лоя в рождавшейся поэме...
А я смысл жизни прожитой постиг:
Вот для чего я столько тосковал
И целовать зачем я разучился —
Но все твердил лишь будущее числа
Да имена зеленых глаз искал.

Я был счастливым 45 секунд —
А дальше кто бы выдержал такое?!
Все, юность, все: оставь меня в покое!..
И ангелы пусть время засекут:
Когда моя зеленая звезда
Взошла — и вновь погасла. Навсегда.

Вечер

Кого-то надо баловать
И подставлять плечо кому-то...
Еще осенним смурным утром
Кому-то плечи укрывать.

Так руки тянутся к руке,
Так болно быть глазам сухими,
Так незабвенно это имя! —
И кровь пульсирует в виске.

Упала с дерева листва —
И сразу неба стало много.

И далеко видна дорога
В объезд побед и торжества.

Далече праздничные дни
С неосознанием долгих буден:
Ты, нынешний, им неподсуден —
И чуть смешны тебе они.

Сердечный жар угас, прости.
Уже проходит и похмелье.
Укрыты брачные постели
Прохладой будничных холстин.
А только ищет рук рука.
А все же губы помнят плечи...
И слава Богу, этот вечер,
Мерца, теплится пока.

Словно жизнь...

Господи, ну как же не любить...
Не для ради просто обладанья —
Просто: ради вместе, ради быть,
Ради двух сердец опознавания.

И ответный услышав толчок —
Маячок в поющем шторме гулком,
Зреньем боковым, как переулком,
Ждать, что случай выкинет еще.

Вдруг еще однажды полыхнет
Радостным, веснушчатым, зеленым —
Не воображенным, не заемным —
И взаправду схлынет с сердца лед.

Боже мой, когда вот это — жизнь,
Я не верю больше в час конечный,
И влекомый тяжким знаньем вниз,
Сердцем — в небо, потому как — вечный.

Лед и снег. Хрусталь и серебро.
Солнце сквозь смеженные ресницы —
Словно жизнь чужая чья-то снится...
И болит адамово ребро.

Моя зеленая звезда

Была моя любовь лицом светла,
Рыжа, в веснушках и зеленоока,
Ни с кем не схожа...
Но ушла далеко.
Звезда моя зеленая зашла.

Слова смеялись на ее губах
И птицами в мое слетали сердце.
И каждый ласковый посланец птах
Знал,
Где ему, вострепетав, усесться.

И как положено у всех людей,
Именовались мы Адам и Ева.
И всюду было сердце —
Прямо, слева,
Внутри и вне —
И не было больней,
Чем, расставаясь аж до рая с ней,
Томиться тщетной суетою дней
И, мучась безлюбовной мукой ада,
Ждать забытья,
Что будет как награда
В отместку зряшной юности моей.

Полнобности

«А я бегу, бегу, бегу —
И не могу догнать апреля».

Из прежних стихов.

Враждебность холодных осенних
дождей
И ливней июльских парная дремота —
Как может быть ближе для памяти что-то
В обвальном движении жизни моей?

Конечно, и осенью грел поцелуй,
Не скрою, и в мае знобила измена, —
Но все же не так вот —
чтоб кровью из вены,
Но все же догадывался — почему.

А тут и апрель ледоломит, ликуя,
И солнцем октябрь одаряет зазря,
И функционирует честно заря...
Но отчего же теперь не могу я
Хотя бы мой завтрашний день угадать
И не совершать за ошибкой ошибку:

В день скорби наденешь, проснувшись,
улыбку —
На праздник нарядишься в медную статью.

И хочется снег приложить

прошлогодний
К сегодняшнему воспаленному лбу.
И я отложил бы — куда уж охотней! —
И тризны, и схожую с ними гульбу,
Чтоб нынче, сейчас вот,
хотя на мгновенье:

Глазами — в глаза и душою — к душе!..
Но дождь отшуршал. И снежинки уже
Давно стали льдом,
и слепого скольженья
Не избежать. Не прервать. Не унять.
И некого на расставанье обнять.

На этих медвяных лугах

Ребята, мы так ненадолго
На этом цветущем лугу:
Душа наша здесь, у истока,
Но плоть — на ином берегу.

Но хочется мне обернуться
И выкрикнуть хочется мне:
— Пускай донесло вас до устья,
Гребите навстречу волне!

И жен, как невест, зацелуйте,
И гладьте атласных коней —
И может, коснетесь вы сути
Вам Богом подаренных дней.

И с мамой во сне говорите
В миг счастья и в пору стыда —
И даже немножко приврите,
Как вралі живой иногда:

Мол, помню счастливое детство.
Мол, не было лучших времен...
Господь мудро правит судьейство
И юмором не обделен.

Когда вы попросите сами,
Он вам поприбавит пути —
А может, и мне вместе с вами —
Но с луга попросит уйти.

И юное дерзкое племя,
Нас походя сдвинув плечом,
Лужайку заполнит во время,
Про устье не зная еще.

А мы? Мы уже ненадолго
На этом веселом лугу,
Где птицы поют без умолку,
Где сладки ночевки в стогу.

И я в то последнее лето,
Скажу, и правдив, и лукав:
— Так тяжело от солнца и света
На этих медвяных лугах!

Но сделав глоток из потока,
Утешу ровесников я:
— Ребята, уже нам недолго,
Пойдемте в тенечек, друзья.

В этой странной стране

Ты уносишь мой свет,
Оставляя меня в темноте
На остаток прижизненных лет —
И за ними: в черте, на черте,
За чертой, в черноте, —
В той стране, как ее ни зови,
Это будет Страна Безтебя,
Государство Безнашейлюбви —
Словно ветер по голым степям,
Будто без Моисея левит.

Всклипл невидимой шпаги. Туше!
Для чего я себе — без души?
А что делать бездомной душе
В этой сонной бездонной глуши,
За чертой, где ни света уже
И ни тени, ни эха —
Даже в самом коротеньком сне
Твоего отзвеневающего смеха,
Лишь разлуки язвительный смех.
Есть квартира, в которой семья,
Есть пространства с живыми людьми
В этой странной Стране Безтебя,
В безвоздушных Краях Безлюбви.
И бесцветен слепой белый свет —
Без особых примет.
Без тебя.

ТВОРЧЕСТВО